УДК 352.075(-21)(571.53)(091)
ББК Х819(2Р54)011.2
DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-30-37

М. М. Плотникова

НАКАЗ ГРАЖДАНСКИМ ГУБЕРНАТОРАМ 1837 Г. И САМОУПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается пересечение полномочий губернатора с компетенцией городского самоуправления согласно Наказу гражданским губернаторам 1837 г. на примере иркутского и енисейского губернаторов, взаимодействовавших с Иркутской, Красноярской и Енисейской городскими думами. Автор приходит к выводу, что согласно Наказу 1837 г. границы пересечения городского самоуправления и губернатора расширились. Теперь губернатор стал контролировать содержание думой полиции и пожарной части, а также меры по благоустройству, предпринимаемые городским самоуправлением.

Ключевые слова: городские думы, Иркутск, Красноярск, Енисейск, губернатор, Восточная Сибирь.

М. М. PLOTNIKOVA

THE NAKAZ OF 1837 TO CIVIL GOVERNORS AND THE MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT OF EAST SIBERIAN TOWNS

The article deals with the overlapping of the governor's authority with the competence of the municipal self-government according to the Nakaz of 1837 using the cases of the Irkutsk and Yenisei governors who interacted with the Irkutsk, Krasnoyarsk and Yenisei city dumas. The author comes to the conclusion that according to the Nakaz of 1837 the borders of the intersection of the municipal self-government and the governor expanded. From then on the governor began to supervise the maintenance of police and fire department by the дума, and also measures on improvement of the urban space undertaken by municipal self-government.

Keywords: city dumas, Irkutsk, Krasnoyarsk, Yeniseisk, governor, Eastern Siberia.

Наказ гражданским губернаторам 1837 г. – это законодательный акт, в котором отражены полномочия и компетенция гражданского губернатора, а также его место в системе управления Российской империей, сложившиеся к этому времени. Отметим, что правовой статус губернатора хорошо изучен в историографии. Вместе с тем пересечению полномочий губернатора с компетенцией городского самоуправления не уделено должного внимания.

Восточная Сибирь как регион ведет исторический отсчет с «сибирской» реформы М. М. Сперанского. Именно он разделил Сибирь на Западную и Восточную. Восточная Сибирь стала состоять из Иркутской губернии и новой Енисейской, которая была учреждена из частей Томской и Иркутской губерний. С 1823 г. начался раздел границ между этими губерниями.

ПЛОТНИКОВА Мария Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин Международного института экономики и лингвистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail: someforme@yandex.ru.

Подчеркнем, что к 1837 г. городское самоуправление в сибирских городах отличалось от такового в городах европейской части Российской империи. Перемены произошли в 1822 г. согласно «сибирской» реформе М. М. Сперанского. Целью этой реформы было изменение управления Сибирью в целом. Однако это повлекло за собой и реформирование городского самоуправления сибирских городов, сформированного в соответствии с Городовым положением 1785 г. Была отменена общая дума и оптимизировано количество гласных, которое стало зависеть от размера города [Плотникова 2018: 85].

После реформы М. М. Сперанского Иркутск стал многолюдным городом Иркутской губернии, а Красноярск и Енисейск вошли в состав новой Енисейской губернии: Красноярск как губернский центр, а Енисейск как многолюдный уездный город. Согласно штату в многолюдных городах следовало избрать думу из 4 гласных, городского головы и канцелярии, в средних городах оставались ратуши, в малолюдных городах староста занимался городскими делами [ПСЗРИ 1830: 48–49].

В настоящей статье будет рассмотрено пересечение полномочий иркутского и енисейского гражданского губернаторов с компетенцией Иркутской, Красноярской и Енисейской дум.

Известный русский правовед, профессор Санкт-Петербургского университета А. Д. Градовский отмечал, что «положение городов в XIX столетии (до городской реформы 1870 г. – *Прим. авт.*) не было определено какими-нибудь общими органическими установлениями, напоминавшими городское положение Екатерины II. Положение это наружно оставалось нетронутым, т. е. организация тех установлений, которые были созданы Екатериной II, оставалась без серьезных перемен, но в течение XIX столетия мы присутствуем при постепенном упадке городского управления, созданного Екатериной II» [1883: 142].

Этот упадок виделся А. Д. Градовскому и в том, что в законодательстве главное место стал занимать Устав о городском хозяйстве, и в том, что из круга ведомств городских установлений были изъяты разные предметы, поручаемые особым комитетам и комиссиям, составленным преимущественно из лиц правительственных. Впервые Уставы о городском хозяйстве и сельском хозяйстве появились в Своде законов Российской империи, изданном в 1832 г.

Вступив на престол, император Николай I счел необходимым собрать и привести в порядок существующие законы. Для этой цели в 1826 г. было образовано Второе отделение в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое к 1832 г. подготовило Свод действующих законодательных актов Российской империи. Начальником этого отделения был назначен действительный статский советник М. А. Балугьянский. М. М. Сперанский, не получив официальной должности, стал фактическим руководителем кодификационных работ [Томсинов 2011: 243].

В начале 1832 г. первая книга Свода законов, посвященная учреждениям, поступила в печать, и к концу того же года весь Свод был отпечатан тиражом в 1200 экземпляров и представлен в Государственный совет. 31 января 1833 г. Свод законов был объявлен действующим источником права с 1 января 1835 г.

Подчеркнем, что систематизация законодательства, проведенная в 1826–1832 гг., осуществлялась в форме инкорпорации, т. е. изменения в содержание законов не вносились и содержание по существу не менялось. Таким образом, Жалованная грамота городам 1785 г. осталась основой действующего законодательства для городов Российской империи.

Иркутская городская дума в 1837 г. приобрела 3 экземпляра Свода законов, на что потратила 25 руб. [ГАИО: ф. 70, оп. 1, д. 2469, л. 47об.]. В этом же году чинов-

ник Орлов, проводивший ее ревизию, нашел, что этот расход дума произвела без разрешения начальства. Губернское правление распорядилось, чтобы Иркутская дума взыскала эти деньги «с самовольно употребивших оные» и об исполнении распоряжения донесла губернскому правлению [ГАИО: ф. 70, оп. 1, д. 2469, л. 47].

В июне 1838 г. дума ответила, что этот расход был внесен в отчет о городских доходах и расходах за 1837 г. [Там же: л. 48] В результате губернское правление согласилось с думой, но сделало ей предупреждение, «чтобы она впредь поступала согласно закону на основании 16 ст. 12 тома свода законов уставов о городских и сельских хозяйствах» [Там же: л. 59–59об.]. В дальнейшем в документах Иркутской думы исчезли ссылки на Городовое положение 1785 г.

Второе издание Свода законов, получившее название издания 1842 г., включало порядка 52328 статей, а с приложениями – до 59400 статей. Деление на 15 томов было сохранено, но во многих томах и входящих в них уставах было сделано немало дополнений и исправлений. В Свод были включены новые законы, в т. ч. общий Наказ гражданским губернаторам 1837 г., содержащий обязанности гражданских губернаторов относительно устройства городов.

Согласно этому Наказу, гражданские губернаторы были обязаны обращать постоянное внимание на устройство городов, наблюдать, чтобы оно соответствовало Высочайше подтвержденным планам и имеющимся правилам, чтобы в городах не строились деревянные дома там, где должны быть каменные, чтобы все здания, которые планируются к строительству, возводились по общим или особым планам и фасадам, а казенные и общественные здания – только с согласия высшего начальства. «... При сем Начальники губерний не должны терять из вида, что они не в праве делать собственно от себя никаких перемен в устройстве селений или даже городов, и еще менее постановлять для сего правила, тягостные для жителей» [ПСЗРИ 1838: 382].

Гражданские губернаторы должны были стараться, чтобы в городах вверенной им губернии постепенно делались мостовые сначала на главных, а потом и на прочих площадях и улицах. Средства для этих целей должны были найти особые временные комитеты в городах.

Сохранились сведения о работе Комитета по устройству мостовых в губернском Иркутске, упомянутого в Наказе губернаторам 1837 г. Правительствующий Сенат еще в 1835 г. повелел предоставить самим городским обывателям губернских городов, по их усмотрению и соображению, изыскать средства для вымощения городов. Для этого составить временные комитеты под председательством гражданских губернаторов, из городских голов и депутатов от всех сословий городских обывателей, имеющих собственные дома, «поручив этим комитетам назначить, какие именно улицы нужно вымостить в первую очередь, а какие – впоследствии» [РГИА: ф. 1287, оп. 31, д. 595, л. 2]. Общие соображения комитетов нужно было представить в Министерство внутренних дел. Кроме этого, сам министр указал на устройство мостовых как одну из первейших потребностей для благоустройства городов и предписал всем начальникам губерний, чтобы они, составив комитеты, изыскивали средства для вымощения губернских городов, где мостовых еще не устроено, обратив особое внимание на способы добывания нужных для того материалов.

Гражданским губернатором Иркутска при «градской» думе был составлен особый комитет об устройстве мостовых в г. Иркутске, который, рассмотрев собранные по сему предмету сведения, нашел, что в губернском Иркутске нет надобности в устройстве особых мостовых: «ибо улицы здесь по твердому грунту земли состоят в хорошем положении; ежели иногда от продолжительных дождей или других естественных причин случаются на них в некоторых местах неисправности, то они в то

же время исправляются посредством засыпки мелким булыжным камнем и хрящем, добываемым без всякого затруднения из реки Ушаковки, протекаемой почти внутри города, против домов зажиточных обывателей самими ими, а против бедных домов – на счет городских сборов, на каковой предмет и вносится ежегодно в смету городских расходов потребная сумма» [РГИА: ф. 1287, оп. 31, д. 595, л. 3].

Подчеркнем, что при Красноярской «градской» думе такой особый комитет об устройстве мостовых не был образован. Совет Главного управления Восточной Сибири, рассмотрев объяснения комитета, составленного при Иркутской «градской» думе, нашел их справедливыми. Енисейский же гражданский губернатор написал запрос Главному управлению путей сообщения и публичных зданий, которое также «признало не нужным устраивать во всех городах Енисейской губернии искусственной дороги по случаю песчаного и каменного грунта земли, который образует гладкую и сухую поверхность» [Там же: л. 8–8об.]. После такого решения совет Главного управления Восточной Сибири признал устройство в городах Иркутской губернии мостовых решительно ненужным, тем более, что здесь вообще дороги по городам против Енисейской губернии, по твердому грунту земли, находятся еще в лучшем положении.

Необходимо отметить, что если в губернском Красноярске, как отметил Ю. А. Гагемейстер: «Покатое положение города к Енисею и Каче, канавы, прорытые в разных направлениях, а более всего грунт земли, предохраняют жителей от грязи во всякое время года» [1854: 165], то в «Статистическом и экономическом описании городов Иркутской губернии» 1876 г. отмечено: «Несмотря на то что Иркутск есть самый большой город в Сибири, центр восточносибирской администрации, торговли и золотопромышленности, внешнее благоустройство города оставляет еще желать весьма многого: улицы извилистые, не мощены и весною вследствие грязи не проходимы, вода на них и еще более на площадях застаивается и не имеет никакого стока, наполняет воздух зловонными миазмами. А так как глубина почвенного слоя в городе колеблется от 3 до 5 саженей, то стоячая по улицам вода, просачиваясь сквозь почву и смешиваясь с почвенной водой, портит воду городских колодцев и придает ей столь дурной вкус и запах, что она вовсе не может быть употребляема людьми и годна только для водопоя скота и поливки огородов» [РГИА: ф. 1290, оп. 4, д. 32, л. 3–3об.]. Получается, что Комитет об устройстве мостовых в Иркутске и совет Главного управления Восточной Сибири приняли неверное решение, не став мостить улицы.

Что же касается улиц уездного Енисейска, то Ю. А. Гагемейстер прямо написал, что «местоположение Енисейска вообще нельзя назвать живописным, а тем более выгодным. Город затопляется всегда при большом разливе реки, с немалым вредом для жителей» [1854: 166]. Городской врач Енисейска М. Ф. Кривошапкин, наблюдавший наводнение в 1857 г., отметил, что таких наводнений было с 1800 г. 11: в 1800, 1823, 1824, 1836, 1837, 1839, 1841, 1846, 1848, в 1853 и 1857. Из них самое ужасное, покрывшее весь город, было в 1800 г. В 1846 и 1848 гг. только самые высокие места оставались не покрытыми [Кривошапкин 1865: 207]. В 1848 г. в Енисейске вода дошла до первой части города, до базара, разлилась по набережной. Убыток от наводнения, не считая разрушенных мостов, гатей, домов, подвалов, составил 28 тыс. руб. [Кытманов 2016: 292–293]. Енисейский городской голова Александр Александрович Кобычев деятельно помогал пострадавшим жителям, снабжая их хлебом, что способствовало снижению на него цен.

Писатель и путешественник А. Уманьский, переживший большое наводнение в Енисейске в 1886 г., написал, что оно «не представляет опасности ни для жизни жителей, ни для их имущества, так как вода поднимается медленно, вершок за

вершком. В ожидании наводнения жители перебираются с имуществом на чердаки, на улицах наваливают на деревянные тротуары, чтобы их не снесло, громадные камни. Наводнение продолжается всего несколько дней, после чего вода сбывает также медленно, как и прибывала, а в домах остается сильная сырость» [Уманьский 1888: 10].

Кроме этого, внутри города находились 2 болота, которые необходимо было осушить. В 1856 г. окружной начальник Мордвинов писал городской думе, что «он намерен для благоустройства города заняться замощением торговой площади, укреплением берегов речки Мельничной и осушки болота, идущего от военных казарм, мимо монастыря и далее. Дума со своей стороны предложила вырубить на болотах негодный лес» [Кытманов 2016: 340]. То есть Енисейск явно нуждался и в замощении улиц, и в благоустройстве. Однако он не являлся губернским городом, потому губернатор не уделял должного внимания этому вопросу.

Согласно Наказу 1837 г., гражданские губернаторы сами собою без разрешения высшего начальства могли утверждать постройки за счет городских доходов только те, расход на которые составлял не более 1 тыс. руб. ассигнациями. О всех прочих постройках они должны были представлять Министерству внутренних дел. Когда же была необходимость произвести постройки или сделать в существующих зданиях исправления за счет остатков земского сбора, гражданские губернаторы разрешали и утверждали только те из них, расход на которые не превышает 2 тыс. руб., о всяких других они представляли Министерству внутренних дел. Гражданские губернаторы должны были иметь попечение о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности. Обо всех находимых вновь древностях они должны были немедленно доносить Министерству внутренних дел с надлежащею точностью и подробностью» [Там же: 385–386].

Они должны были не только заботиться о хорошем устройстве пожарной части в губернских, уездных, заштатных городах и многолюдных, торговых и мануфактурных селениях, но и принимать необходимые меры предосторожности от пожара. Следить, чтобы во время пожаров действовали соответствующим образом пожарные команды, полицейские чиновники, служители и сами обыватели.

Для этого губернаторы должны стараться заводить в городах назначенные правилами огнегасительные трубы; обучать, посредством пожарных депо, выбранных городскими обществами людей искусству делать и употреблять эти и другие пожарные орудия; наблюдать через городские полиции, чтобы везде обывательские дома были расписаны на случай пожара, с означением, кто из жителей и с каким орудием должен являться на пожар. Об истинных причинах пожаров они должны делать каждый раз надлежащие исследования, и о важнейших доносить особо Министерству внутренних дел. Гражданские губернаторы обязаны также «наблюдать тщательно, чтобы в определении мер и взыскании средств пособия потерпевшим от пожара, а равно и при взыскании и наказании за несоблюдение узаконенных на сии случаи предосторожностей, наконец, и в преследовании и предании суду тех, кто окажется виновным в умышленном поджоге, было поступаемо на основании установленных для этого правил [ПСЗРИ 1838: 386].

Обратим внимание, что в Наказе была отмечена необходимость обучения выбранных городскими обществами людей в пожарных депо. В расходах в 1838 г. Иркутской городской думы записано среди прочего и содержание в московском пожарном депо ученика 183 руб. 80 коп. [ГАИО: ф. 70, оп. 1, д. 2538, л. 70об.], как и предписывал Наказ губернаторам. Однако по несчастному стечению обстоятельств выбор общества оказался неудачным. В Москву был отправлен мещанин Банщиков, который обучался там «деланию пожарных инструментов». По возвращению

он стал работать помощником брандмейстера, но в 1841 г. Банщиков вывихнул руку, «отчего не мог уже заниматься ни деланием, ни исправлением пожарных инструментов и, по свидетельству Иркутской врачебной управы, к скорому выздоровлению оказался безнадежным, почему для снискания себе пропитания другими занятиями уволен по паспорту» [ГАИО: ф. 70, оп. 1, д. 3264, л. 3].

Отметим, что Иркутская дума в 1838 г. тратила на подковку пожарных лошадей и починку экипажей 281 руб. 39 коп., на содержание пожарных инструментов – 1860 руб. 22 коп., пожарных лошадей – 4164 руб. 61 коп., на их лечение – 70 руб. 85 коп., а всего на содержание полиции, куда включались и расходы на содержание пожарной части, – 27364 руб. 95 ½ коп. [Там же: д. 2538, л. 70–70об.].

Самой лучшей в Енисейской губернии была пожарная часть г. Енисейска. В 1836 г., т. е. до издания Наказа губернаторам, Енисейская градская дума израсходовала на заведение новой пожарной машины с рукавом 300 руб., 3 рукава к имеющейся уже машине – 450 руб., поправку пожарных инструментов – 204 руб. 50 коп., содержание при пожарных инструментах 6 лошадей и поправку упряжи – 536 руб. 50 коп., отопление двух пожарных помещений дров – 75 руб., наем 4 пожарных слугителей – по 8 руб. в месяц, всего 384 руб. [ГАКК: ф. 160, оп. 1, д. 72, л. 17].

Губернскому Красноярску было назначено пособие из земских сборов к доходам на устройство и содержание 2-й частной управы и военнотрудовой команды по 5 тыс. руб. ежегодно с 1833 по 1836 г. и с 1836 по 1839 г. [Там же: ф. 173, оп. 1, д. 213, л. 72]. Однако в 1836 г. эти деньги оставались без употребления и устройство 2-й частной управы откладывалось. В 1837 г. Красноярская городская дума тратила на содержание полиции 3118 руб. 92 ½ коп. [Там же: д. 360, л. боб.], что было почти в 9 раз меньше, чем в Иркутске. Красноярский комитет для уравнивания городских повинностей, работавший в 1834–1840 гг., посчитал необходимую сумму на содержание полиции с пожарной частью, которая составила 19500 руб. 55 коп. [Там же: д. 213, л. 76]. После соответствующих указаний губернаторам 1837 г. Красноярская городская дума выписала из Санкт-Петербурга пожарные машины [Там же: д. 353].

Также согласно Наказу 1837 г. гражданские губернаторы как постоянно через местные полицейские управления, так и непосредственно при обозрении губернии, должны были обращать внимание как на соблюдение вообще внешнего благоустройства в городах и селениях, так и на опрятность и чистоту на улицах, площадях и рынках. Они должны были требовать, чтобы «внутренние в городах и селениях мостики, надолбы, так называемые, селидьбенные столбы с досками, на которых показываются имена селений, владельцев их и число жителей мужского пола, и столбы станционные были содержимы в надлежащей исправности, по изданным для того Высочайше утвержденным правилам» [ПСЗРИ 1838: 386].

Благоустройство внутреннего управления в городах и селениях и меры для умножения в них общественного богатства составляли еще один важнейший предмет обязанностей начальников губерний. «Стараясь прекращать и предупреждать все противные как законам, так и развитию народной промышленности злоупотребления и беспорядки, они в то же время должны всеми зависящими от них средствами способствовать усилению и усовершенствованию земледелия, скотоводства, пчеловодства и других отраслей сельского хозяйства, а равно и распространению торговли и всякого рода промышленности, покровительствуя или, по крайней мере, ободряя и поощряя все полезные в сем отношении предприятия» [Там же: 387].

Подчеркнем, что все прямые предписания, которые были сделаны в Наказе губернаторам 1837 г., касавшиеся городского самоуправления, были исполнены и иркутским, и енисейским губернаторами. Это касалось и работы особого Комитета об устройстве мостовых, и обучения выбранных городскими обществами людей искусству делать и употреблять пожарные инструменты.

Согласно Наказу 1837 г. губернатор стал главным представителем высшей правительственной власти в губернии, надзирающим за всеми ее учреждениями. А. Д. Градовский отмечает, что «губернатор лично и через губернское правление имел надзор за общественным управлением в городах, которое находилось под строгой опекой администрации» [1883: 236]. Губернатор был также главным начальником полиции, которую содержала городская дума. В его же обязанности входили заботы об улучшении пожарной части в городах. Губернатор должен был заботиться и о благоустройстве города, что являлось также и обязанностью городского самоуправления. Губернатор обязан был представлять ежегодные всеподданнейшие отчеты по управлению, в которые входили и сведения о городских доходах и расходах, подаваемые городской думой. Если, согласно Городовому положению 1785 г., губернатор должен был контролировать только городские доходы и позволять собираться городским обывателям, то, согласно Наказу 1837 г., границы пересечения городского самоуправления и губернатора расширились. Теперь губернатор стал контролировать содержание думой полиции и пожарной части, а также меры по благоустройству, предпринимаемые городским самоуправлением. Наказом гражданским губернаторам 1837 г. определялись обязанности губернатора вплоть до проведения судебной, земской и городской реформ, существенно изменивших положение губернаторской должности.

Источники и литература

- Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 70, оп. 1.
Государственный архив Красноярского края (ГАКК): ф. 160, оп. 1; ф. 173, оп. 1.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 1-е. Т. 44. Книга штатов: Ч. 2. Штаты по духовной и гражданской части. Штаты по гражданской части (1813–1825). – СПб., 1830; Собр. 2-е. Т. 12. 1837. – СПб., 1838. – № 10303.
Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 1287, оп. 31; ф. 1290, оп. 4.
Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2 / Ю. А. Гагемейстер. – СПб., 1854. – 697 с.
Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. 3. Ч. 1. Органы местного управления / А. Д. Градовский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – 384 с.
Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь / М. Ф. Кривошапкин. – СПб.: Изд. Император. Рус. геогр. о-ва, на иждивении В. А. Кокорева, 1865. – 650 с.
Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 850 с.
Плотникова М. М. Развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века / М. М. Плотникова // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 85–94.
Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века / В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. – 280 с.
Уманьский А. Золотой город: этнографический очерк / А. Уманьский // Очерки золото-промышленности в Енисейской тайге. – СПб., 1888. – С. 5–34.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 70, op. 1.
Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK): f. 160, op. 1; f. 173, op. 1.
Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI): Sobr. 1-e. T. 44. Kniga shtatov: Ch. 2. Shtaty po duhovnoj i grazhdanskoj chasti. Shtaty po grazhdanskoj chasti (1813–1825). – SPb., 1830; Sobr. 2-e. T. 12. 1837. – SPb., 1838. – № 10303.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 1287, op. 31; f. 1290, op. 4.

Gagemejster Yu. A. Statisticheskoe obozrenie Sibiri. Ch. 2 / Yu. A. Gagemejster. – SPb., 1854. – 697 s.

Gradovskij A. D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. T. 3. Ch. 1. Organy mestnogo upravleniya / A. D. Gradovskij. – SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1883. – 384 s.

Krivoshapkin M. F. Enisejskij okrug i ego zhizn' / M. F. Krivoshapkin. – SPb.: Izd. Imperator. Rus. geogr. o-va, na izhdivenii V. A. Kokoreva, 1865. – 650 s.

Kytmanov A. I. Kratkaya letopis' Enisejskogo uezda i Turuhanskogo kraja Enisejskoj gubernii 1594–1893 godov / A. I. Kytmanov. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016. – 850 s.

Plotnikova M. M. Razvitie gorodskogo samoupravleniya v Vostochnoj Sibiri v pervoj polovine XIX veka / M. M. Plotnikova // Gumanitarnyj vektor. – 2018. – T. 13. – № 4. – S. 85–94.

Tomsinov V. A. Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudenciya v Rossii v pervoj chetverti XIX veka / V. A. Tomsinov. – M.: Zercalo, 2011. – 280 s.

Uman'skij A. Zolotoj gorod: etnograficheskij ocherk / A. Uman'skij // Ocherki zolotopromyshlennosti v Enisejskoj tajge. – SPb., 1888. – S. 5–34.